

Монгольский юноша, не скрывая насмешки, наблюдал за развернувшейся перед ним сценой.

— Хацзиэр, — внезапно раздался из кареты глубокий, властный голос. — Прекрати это.

Юный Хацзиэр недовольно поморщился:

— Отец, если хочешь, чтобы я перестал, позволь мне отправиться на передовую.

В карете на мгновение воцарилось молчание.

— Хорошо, — наконец последовал ответ.

Хацзиэр воодушевился. Забыв о Сун Чжи и Сю-нянь, он в восторге прищипил коня и подлетел к карете:

— Правда, отец? Ты серьезно?

Голос изнутри остался прежним, но в нем прозвучала едва уловимая, снисходительная нежность:

— Правда.

Хацзиэр спрыгнул на землю и в несколько прыжков оказался внутри экипажа, выкрикивая слова благодарности. Всё его внимание переключилось на долгожданную весть; до брошенных на дороге людей ему больше не было дела.

Карета тронулась. Слуга взял под уздцы коня, на котором только что ехал юноша, и последовал за господином.

Лишь когда они скрылись из виду, сковывающий ужас в груди Сун Чжи начал понемногу отступать. Он взглянул на Сю-нянь — одежда её была изорвана, вид — жалок. Не в силах сдержаться, мальчик снова разрыдался.

Сю-нянь сжимала в руке серебряную шпильку. Острое навершие было окрашено кровью — кровью того монгольского солдата, что остался лежать в кустах.

— Молодой господин, — прохрипела она сорванным голосом, она задрожала искусанными в кровь губами. — Полно, не плачьте.

В её словах звенела яростная решимость, они обжигали Сун Чжи, словно пламя, заставляя сердце биться чаще.

— Госпожи больше нет. Теперь я стану вашей защитой. Но и вы, молодой господин, должны взять себя в руки.

Сун Чжи широко раскрыл глаза и часто закивал. В его взгляде, прежде чистом и невинном, залегла глубокая тень.

— Подойдите, — Сю-нянь, преодолевая резкую боль, опустилась на колени подле тела Ли Ханьсу. — Поклонитесь матери. Нам пора уходить.

— Мы... мы не похороним её? — прошептал мальчик.

Сю-нянь плотно сжала губы, она помрачнела.

— Мы не дойдем, — отрывисто бросила она. — Умрем от истощения прямо здесь.

Она не лгала. Они не ели много дней, и каждый шаг давался с трудом. Вырыть могилу голыми руками было задачей непосильной.

Сун Чжи промолчал. Шмыгнув носом, он рукавом вытер кровь с лица Сю-нянь и тихо произнес:

— Я сделаю так, как ты скажешь.

Когда они бежали из Тунлина, их сопровождало пятеро слуг. По пути все они погибли. Сегодня не стало и матери. Теперь у Сун Чжи осталась только Сю-нянь.

Она молча сложила ладони перед собой и медленно склонилась, почтительно касаясь лбом холодной, твердой земли. Она мелко дрожала на пронизывающем мартовском ветру. Выждав мгновение, она выпрямилась и вновь пала ниц — скорбная, величественная в своем горе.

Никто не ведал, какие мысли терзали её душу в этот миг.

Совершив три земных поклона, Сю-нянь замерла, прикинув к камням. Слезы капали на плиты, оставляя темные круги, которые тут же исчезали. Когда она наконец подняла голову, лишь покрасневшие веки выдавали её недавнюю слабость.

Сун Чжи, повторяя за ней каждое движение, тоже совершил обряд.

— Матушка, мы уходим, — негромко сказал он.

После краткого прощания они вдвоем оттащили тело Ли Ханьсу к обочине дороги, чтобы копыта проезжающих лошадей не осквернили её прах. Это простое действие окончательно

лишило Сю-нянь сил. Сун Чжи, едва держась на ногах, чувствовал, как перед глазами пляшут искры от голода.

— Сю-нянь, куда мы пойдём?

— На юг, — ответила она. — Отыщем дядю Вэня.

Мальчик нахмурился, пытаясь вспомнить.

— Кто это? Он спасет нас?

Сю-нянь на мгновение смягчилась. Она погладила его по голове.

— Обязательно спасет. Дядя Вэнь — настоящий герой. Он держал тебя на руках, когда ты был совсем крохой. Он не оставит нас в беде. Стоит лишь найти его, и вы больше не будете знать ни холода, ни голода.

Сун Чжи воодушевился:

— Правда? Тогда идем скорее!

Сю-нянь кивнула. Будучи простой служанкой в богатом доме, она мало смыслила в большой политике. Но о Вэнь Тяньсяне — генерале, который всё еще сражался против захватчиков и был дружен с её хозяином, — знали все.

Ходили слухи, что генерал сейчас собирает армию в Мэйчжоу для ответного удара. Если они доберутся до него, кошмар закончится. Но от Пуцзяна до Мэйчжоу лежали тысячи ли. Смогут ли они — женщина и ребенок — преодолеть этот путь пешком? Быть может, их настигнут монголы, или они падут жертвой болезней и голода...

Теперь всё зависело лишь от воли небес.

Они шли полдня, пока Сун Чжи окончательно не выбился из сил. Тогда Сю-нянь решила просить милостыню.

Уезд Пуцзян уже заняли монголы. Большинство жителей бежали, остались лишь те немногие, кто не смог покинуть родной кров. Сжалившись над несчастными, одна семья вынесла им немного сухих лепешек из своих скудных запасов и велела уходить как можно скорее.

Укрывшись в заброшенном доме, они съели по кусочку, запивая водой из колодца. Сю-нянь едва притронулась к еде, отдав почти всё мальчику; остатки она припрятала на завтра.

Раны, нанесенные монгольскими солдатами, терзали её тело жгучей болью. Скрывшись от глаз Сун Чжи, она кое-как обмылась ледяной водой. Когда пришло время снова отправляться в путь, Сю-нянь почувствовала, что её начинает бить озноб.

Сун Чжи с тревогой коснулся её руки:

— Сю-нянь, ты вся горишь.

Она покачала головой, чувствуя, как силы покидают её:

— Ничего... я справлюсь. Идем...

Чтобы сберечь дыхание, она замолчала, и Сун Чжи не смел её беспокоить.

Солнце клонилось к закату, воздух становился холоднее, но жар внутри Сю-нянь только усиливался. Перед глазами всё плыло, очертания домов двоились. В конце концов, она обмякла и рухнула на землю.

— Сю-нянь! — закричал Сун Чжи, падая рядом на колени и отчаянно тряся её за плечи. — Не спи, пожалуйста...

Она тяжело хрипела. "Госпожа, неужели я скоро последую за вами? — пронеслось в её угасающем сознании. — Нет... молодой господин... у него нет никого, кроме меня..."

С огромным трудом она приоткрыла глаза и беззвучно шевельнула губами:

— Молодой господин...

— Не умирай, Сю-нянь... — Сун Чжи захлебывался слезами. — Я вырасту и буду защищать тебя, обещаю!

Она смотрела на него, не в силах ответить, пока тьма окончательно не поглотила её.

Сун Чжи в ужасе замер, приложил палец к её носу и, почувствовав слабое дыхание, немного успокоился.

Что же делать? Он растерянно оглядел пустую улицу.

Всю жизнь он был изнеженным сыном знатных родителей, даже во время бегства мать и верные слуги закрывали его своими спинами. Он никогда не оказывался в подобном положении.

Он остался совсем один, а жизнь единственного близкого человека теперь зависела только от него. Никто не придет на помощь, никто не подскажет, как поступить.

Сгущались сумерки. Пуцзян напоминал город призраков: на дорогах лежали лишь трупы, живых не было видно.

— Есть тут кто-нибудь? — собрав всю свою храбрость, крикнул мальчик.

Ответом ему была тишина.

Мелкий дождь давно прекратился, оставив после себя сырость и пронизывающий холод. Ночной ветер доносил тяжелый запах тления.

Сун Чжи, с трудом сдерживая дрожь, попытался оттащить Сю-нянь к ближайшему дому. Но он был слишком слаб и истощен, а тело взрослой женщины оказалось непосильной ношей.

Он протаскивал её на несколько шагов и долго отдыхал, задыхаясь. Прошло полчаса, но он так и не смог затащить её за порог и сам повалился без сил.

Вспомнив, что тело матери осталось брошенным в поле на растерзание собакам и насекомым, а Сю-нянь лежит без сознания, Сун Чжи почувствовал, как его захлестывает безнадежность. Вконец измученный, он прижался к Сю-нянь и сам не заметил, как забылся тяжелым сном.

Если не проснуться в такую холодную ночь, это станет концом.

Но Сун Чжи, верно, родился под счастливой звездой. Сквозь пелену забвения до него донеслись голоса:

— Господин, здесь двое южан. Оба живы.

— Позволь взглянуть, — ответил другой голос.

Кто-то коснулся его лба, приподнял веко.

— Кажется, просто истощение.

Рука была удивительно теплой. Это тепло было столь манящим, что Сун Чжи безотчетно прильнул к ней, пробормотав:

— Матушка...

Человек негромко вздохнул:

— Бедное дитя.

Голос был незнакомым. В памяти Сун Чжи всплыли монгольские солдаты, и он мгновенно очнулся.

Перед ним стоял мужчина с мягкими чертами лица, одетый в ханское платье. За его спиной виднелись слуги — как его соплеменники, так и монголы.

Сун Чжи не понимал, кто перед ним, и смотрел на незнакомца с опаской.

Чжан Хуэй доброжелательно улыбнулся:

— Пришел в себя? Как тебя зовут?

Мальчик молчал. Стоявший рядом монгол прикрикнул:

— Господин спрашивает тебя! Как твое имя?!

Сун Чжи вздрогнул. Чжан Хуэй жестом велел воину замолчать и успокаивающе произнес:

— Не бойся.

Убедившись, что угрозы нет, мальчик тихо ответил:

— Меня зовут Сун Чжи.

Чжи было его личным именем. В свои тринадцать он уже получил второе имя — Цзилань, но им его еще никто не называл.

— Хороший мальчик, — продолжал Чжан Хуэй. — А сколько тебе лет? — Он указал на Сю-нянь: — Это твоя мать?

— Тринадцать, — Сун Чжи покачал головой. — А это Сю-нянь.

Чжан Хуэй всё понял: перед ним был сын из благородного семейства, чьи родные погибли в вихре войны, оставив его на попечении единственной служанки.

— Господин, что с ними делать? — спросил один из спутников.

Чжан Хуэй немного подумал и обратился к Сун Чжи:

— Хочешь пойти со мной?

Мальчик догадывался, что этот человек, вероятно, служит монголам. Матушка при жизни презирала таких людей. Но он посмотрел на бледную Сю-нянь и понял, что она не вынесет больше и дня.

— Вы можете нам найти дядю Вэнь? — едва слышно спросил он.

Чжан Хуэй удивился:

— Дядю Вэнь?

— Сю-нянь говорит, он герой. Он защитит нас.

Если речь шла о герое по фамилии Вэнь, то на всём белом свете был лишь один человек, достойный этого звания.

— Вэнь Сунжуй? — уточнил Чжан Хуэй. Сунжуй было вторым именем Вэнь Тяньсяна.

Сун Чжи и сам толком не знал, кто это такой. Он растерянно посмотрел на мужчину:

— Сю-нянь знает, а я... я не помню.

Чжан Хуэй был человеком милосердным. Он не мог оставить этих двоих на погибель.

— Ступай за мной. А поиски твоего дяди обсудим позже.

— Заберите женщину, — распорядился он и снова повернулся к Сун Чжи: — Ты сам идти сможешь?

Мальчик кивнул и попытался подняться, но ноги его подкосились. Чжан Хуэй подхватил его:

— Совсем еще мал, а туда же — геройствовать.

Когда Чжан Хуэй сам был юношей, он прошел через такой же ад. Ему было четырнадцать —

чуть больше, чем сейчас Сун Чжи, — когда монголы вторглись в Шу. Вся его семья погибла в огне войны, а его самого, пленника, угнали в каракорумские степи.

Он был таким же — потерянным, отчаявшимся, не знающим, что ждет его за поворотом судьбы.

От этих мыслей взгляд Чжан Хуэя потеплел. Он подхватил Сун Чжи на руки:

— Ты голоден. Пойдем, поешь.

— Сю-нянь больна... — прошептал мальчик.

— Не тревожься, я найду для нее лекаря.

Сун Чжи затих, приткнувшись к его груди.

— Спасибо... — выдохнул он.

Чжан Хуэй погладил его по голове, но ответа не последовало — мальчик уже снова крепко спал.

<http://bllate.org/book/17487/1692010>